

«Наш десятый класс закружила вьюга фронтовая...»

Это фрагменты рукописи участника Великой Отечественной войны Алексея Ивановича Требухина. Свои воспоминания он писал несколько лет. В предисловии стоят такие слова: «Внукам моим с пожеланиями мирной жизни на родной земле». В судьбе этого человека отразилась жизнь юношей и девушек, ушедших на фронт, прошедших через страшные годы войны, кровь, смерть, предательство, плен, но не утративших чувство любви к Родине, достоинство, честь. Сегодня мы познакомим читателей с отрывками из этой рукописи. К сожалению, формат газеты не позволяет опубликовать воспоминания полностью, а ведь судьба такого человека заслуживает издания книги в нескольких томах...

Продолжение
Начало – в № 6

Здесь я хотел бы рассказать, что в моей жизни был эпизод, когда один из бывших одноклассников стал предателем. К сожалению, было и такое. Ломала жизнь людей, или они сами сознательно шли на это.

Еще летом 1939 года комсорг нашей школы – красавица Наталья Беляева узнала, что Кирилл Окоемов скрыл от комсомольцев свое происхождение, а также то, что его отец был работником Новочеркасского кафедрального собора. И с начала учебного года Окоемова исключили из членов ВЛКСМ. Как выяснилось позже, Окоемов-старший, служа старостой собора, наворовал и накопил большие уникальные ценности самого собора и музея истории донского казачества. Эти ценности он спрятал в соборе в двух местах. Основным местом был старый заброшенный в свое время подземный маркшейдерский ходок от собора до котельной, которая находилась на поверхности за собором в скверике.

Другое место было в самом соборе. Оказывается, Окоемов-старший знал, где были в стенах собора голосницы – пустые глиняные сосуды для улучшения звучания. В двух из них он спрятал золотые кресты и цепочки, металлические пластины соломенного цвета различных проб и более 50 колец. Здесь же находились золотые часы, всевозможные броши с камнями и столовые серебряные приборы. А в ходке были книги редких изданий, иконы прошлых веков и

Как выяснилось позже, Окоемов-старший, служа старостой собора, наворовал и накопил большие уникальные ценности самого собора и музея истории донского казачества.

лист от купола собора, позолоченный червонным золотом. Так вот, перед смертью Окоемов-старший рассказал о тайниках своему единственному отпрыску. И только ему. Даже жена – мать Окоемова-младшего – не была посвящена в эту тайну.

Кирилл долго мечтал завладеть этими сокровищами, но тайну свою никому не открывал. Собор был за-

Первым делом Кирилл принялся за наших девчат-активисток. Он выследил и арестовал сначала Наталью Беляеву, ее двух подруг и дочку директора школы.

окончания школы. Но летом началась война, и все планы рухнули. Рухнули? Нет! Он вынашивал эти планы с первых дней войны, но уже с помощью немцев.

Вернувшись в Новочеркасск, Окоемов предложил свои услуги местной немецкой комендатуре и стал быстро преуспевать. Первым делом Кирилл принялся за наших девчат-активисток. Он выследил и арестовал сначала Наталью Беляеву, ее двух подруг

телями. Нашел Аделину Августовну. По доносу фашисты арестовали ее и как немку увезли сначала в Берлин, а затем заточили ее в концлагерь Дахау. Кирилл активно помогал немцам в работе по отбору и угону молодежи на работу в Германию.

Прошло лето. Местные власти оккупантов 1 октября 1942 года открыли городской собор. За проявленное усердие перед фашистами Окоемова-младшего по семейной династии

Потом он занялся нашими учителями. Нашел Аделину Августовну. По доносу фашисты арестовали ее и как немку увезли сначала в Берлин, а затем заточили ее в концлагерь Дахау.

назначают старостой собора. Вот она, трехлетняя мечта, к которой так подло продвигался Кирилл! Тайники в голосницах, по рассказам и приметам отца, он обнаружил сразу. Хуже дело обернулось с подземным ходком. Только к концу декабря Кирилл наконец попал на правильный след замурованного отверстия и проник в тайник. А время шло. Контрнаступление наших войск на востоке под Сталинградом и с юга теснило гитлеровцев к Дону. В первых числах января 43-го года Кирилл забрал все драгоценности и с группой таких же подлецов подался на запад, проделал путь от Ростова до Вены, а затем и до Парижа, где и обосновался до конца войны.

Фильсхофен. Вокруг этого баварского города на десятки километров разбросаны карьеры, где добывался камень для различных целей и назначений.

В один из таких привезли нас в количестве 110 человек. Разместили по двум баракам. Наш барак располагался прямо на территории карьера в рудничном дворе и примыкал с одной стороны к немецкой столовой, а с другой – к конторе карьера. За фасадом противоположной стороны – барачный двор, вокруг которого – хитрое сплетение колючей проволоки. Здесь же пристройка к нашему барaku, в котором находилась охрана. Пристройка с мансардой и вышкой.

Продолжение - на стр. 4.

крыт и охранялся, в многочисленных подвалах собора находились склады так называемого ОРСа и ликерно-водочного завода, там работали люди. По предложению Окоемова и с некоторыми намеками в начале 41-го года туда устроились работать сначала один, а затем и еще двое парней из его окружения. Сам же Кирилл думал туда поступить летом после

и дочку директора школы. Все они потом попали к Кюнсбергу, с которым Окоемов быстро познакомился. Он навел этого гестаповца на наш музей и показал, где находятся его запасы, указал на Александровскую и Кладбищенскую церкви, показал дома бывших богатых казаков, врачей, профессоров и городских властей. Потом он занялся нашими учи-

Продолжение.

Начало - на стр. 3

Охраняли нас круглосуточно три солдата: один — на вышке, другой дежурил по лагерному двору с заходом в барачный тамбур, а третий прохаживался по рудничному двору у окон

Охраняли нас круглосуточно три солдата: один — на вышке, другой дежурил по лагерному двору с заходом в барачный тамбур, а третий прохаживался по рудничному двору у окон фасада.

фасада. В караульном помещении всегда находились еще шесть-восемь солдат, из которых двое сопровождали нас на работу, а шесть — отдыхающие наружной охраны.

Барак № 2 был расположен диаметрально от нас по огромному кругу карьера. Барак там больше нашего и по площади, и по количеству пленных. Здесь около барака в двухэтажном доме размещались солдаты охраны во главе с унтерофицером. Их там было человек 20-22. Здесь же была и овчарня. В нашем бараке № 1 — 45, а в № 2 — 65 пленных.

Наше рабочее место — каменный карьер. Сюда каждый день и в жару, и в дождь, и в снегопад нас водили на работу. В карьере внизу работали одни мы, пленные, а наверху, на поверхности, по всем службам и на вскрышных работах были немцы и австрийцы из близлежащих сел и городков.

Здесь, в карьере, мы должны были добывать камень (песчаник), грузить его в вагонетки и отвозить к скифам подъемной машины. Все делалось вручную. Норма — 24 вагонетки (24 м³ — это около 30 тонн) на двоих!

Нас поделили на четыре бригады и работали мы по кругу в симметричных четырех сторонах карьера. Но поделили нас так, чтобы мы, из барака № 1, не встречались с людьми из барака № 2 ни в карьере, ни по пути следования в него.

После польских событий охрану усилили, завели собак. Прямо в карьере установили четыре (на каждую бригаду) пулеметные точки, солдаты которых не спускали с нас глаз. Если к концу любого часа не было добыто, погружено и отвезено с каждой бригады по три партии вагонеток, на нас спускали собак и стреляли из пулеметов над головами.

Наступили мучительные дни. Навыков в такой необычной физической работе у нас, конечно, не было. Мы не знали, как, с какой стороны подойти к этому проклятому камню, как

Наше рабочее место — каменный карьер. Сюда каждый день и в жару, и в дождь, и в снегопад нас водили на работу.

его поднять и забросить в вагонетку, как погрузить мелочевку, где взять

«материал» для следующей вагонетки, как разбить кувалдой большой, неподъемный камень и прочее. А тут эти 255 ступенек по лестнице в карьер вниз (два раза в день) и 255 ступенек вверх. Сколько было нас, погибших от изнеможения на этой лестнице, не сумевших в очередной раз одолеть ее?! Лай собак, окрики, рукоприкладство, стрельба...

Кормили нас отвратительно. Утром до работы давали хлеб на целый

день — 300 грамм и пол-литра кофе. В обед — литр баланды из капустных листьев, брюквы и картофельных очистков (отходы с соседней немецкой кухни); вечером — опять кофе и по пять вареных картофелин. По воскресеньям добавляли 25 грамм маргарина и пять таблеток сахара. Режим трудового дня был таков: мы работали с 8 до 17 часов. Перерыв на обед — с 12 до 13 (обедали в своих бараках); в субботу рабочий день был 4 часа — до 12; в воскресенье — выходной у всего карьера.

Свое знакомство с людьми нашего барака я начал с первого дня. А собрались здесь люди почти всех

Если к концу любого часа не было добыто, погружено и отвезено с каждой бригады по три партии вагонеток, на нас спускали собак и стреляли из пулеметов над головами.

возрастов (в основном русские) из разных родов войск, разных фронтов и различных званий. Были и солдаты, и матросы, и летчики, и офицеры. Все мы прибыли сюда из Дахау, куда каждый попал по различным причинам. И хотя все понимали, что выбрались из ада, но

Все мы прибыли сюда из Дахау, куда каждый попал по различным причинам. И хотя все понимали, что выбрались из ада, но попали в другой — все же искринка на выживание теплилась у каждого.

попали в другой — все же искринка на выживание теплилась у каждого. И мне казалось, что с таким народом я быстро найду единомышленников, и мы здесь создадим Сопротивление по принципу БСВ.

Но куда там! Время шло, а у меня ничего не получалось. Оно и понятно. Трудности были большие. Ну, во-первых, какие могли быть разговоры или беседы даже на любую тему, когда мы падали в изнеможении на свои кровати; когда стонали во сне; когда залечивали свои изодранные пальцы на руках и побои от охраны. Во-вторых, это полная изоляция и отрыв от других лагерей и иностранных рабочих; отсутствие какой-либо информации о положении на фронтах; глухомань и невозможность общения наших двух бараков и многое другое. Но мысль о необходимости создания хотя бы лагерного совета или какого-либо другого руководства для облегчения нашего положения у меня зрела...

Я познакомился ближе со старшими по возрасту и по званию летчиком Костиковым, матросом Сербиным, со старшиной из Алтая Минаевым. Пригляделся к смельчаку Таирову и другим. Постепенно узнал их настроение, мысли и решил действовать.

Продолжение следует.